

Вера Баль

Пространство диалога и диалог пространства:

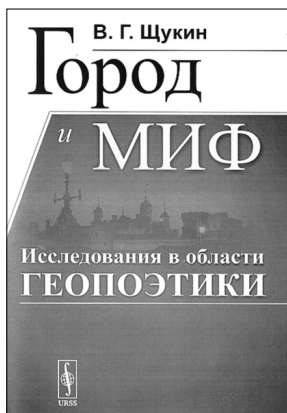
О ГЕОПОЭТИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ
К ИЗУЧЕНИЮ ЛИТЕРАТУРЫ

DOI: 10.53953/08696365_2022_176_4_333

Щукин В. Город и миф: исследования в области геопоэтики.

М.: Ленанд, 2021. — 424 с. — Тираж не указан.

Антропологическое измерение пространственных локусов, представленное в художественной литературе, стало ключевым предметом исследования В. Щукина в рецензируемой монографии. Он, с одной стороны, продолжил традицию В.Н. Топорова, заложившего прочный фундамент отечественной мифопоэтики, с другой стороны — привлек методологические подходы гуманитарной географии, изучающей особенности и закономерности развития географических образов и их моделей в различных сферах культуры. В. Щукину удалось наметить механизмы исследования исторического функционирования мифопоэтического мышления в аспекте пространственного мирозерцания. Исследовательское видение отношений города и воспринимающего сознания через жанровую модель связано с осмыслением форм взаимодействия мифопоэтического мышления с городом как культурно-цивилизационным пространством. Именно этот подход определил использование автором также социологической поэтики, объясняющей механизмы возникновения поэтических образов пространств социально-экономическими и психологическими свойствами воспринимающего субъекта, выполняющего смыслообразующую и мифотворческую роль.

В. Щукин предлагает классификацию элементов городской поэтосферы (В.Н. Топоров), которая показывает интенсивность эстетического переживания городского пространства в русской словесной культуре (глава «Поэтика города. Морфология городской поэтосферы»). Научное осмысление поэтики городской среды велось давно и плодотворно, но попытка целостного описания сделана впервые. Автор предлагает критерии описания поэтосферы городской среды (горизонтальный и вертикальный срезы города, внешние пространственные границы и внутренние, членившие город на микропространства, космический контекст (время суток, традиционные стихии и их производные), одорические и акустические особенности, вещ-

ный мир, социально-культурные локусы). В подобном освещении город предстает не только как универсальный архетипический символ, но и как пространство, порождающее смыслы и являющееся условием для их функционирования.

Из возможных дополнений к разговору о «морфемах» городской среды можно предложить размышления об образах руин, которые также являются неотъемле-

мой частью городского ландшафта и обладают исключительным потенциалом рефлексивности и самосознания в культуре¹.

В исследовании В. Щукина вскрытые мифопоэтические возможности «морфем» городского пространства максимально проблематизируют реальность горожанина-писателя, вневременной антропологической ценностью которого является сопричастность определенному пространству не только в физическом измерении тела, но и в ментальном. Используя терминологию М. Хайдеггера, можно сказать, что Щукину свойственно стремление к возврату от «сущего» к «бытию», как движение от «явленного» к «тайному», от «несокрытого» к «сокрытому». В. Щукин рассматривает русскую литературу, главным образом XIX в., в трех аспектах: московском, петербургском и провинциальном. Сопутствующие каждому «городскому „духу“» пространственные модели, в «слове явленные», становятся своеобразным метаязыком для описания основ национальной культуры. Примечательно, что исследователь не касается очевидных сопоставительных аспектов петербургского и московского текстов и сложного характера связи между столицами и провинцией, он намечает новые измерения рассмотрения «духа петербургского, духа московского и духа провинциального» (с. 57). Очевидно, что исследование В. Щукина становится примером размышлений не о пространстве как таковом, но о пространстве слова русской литературы, вмещающего в себя пространственные модели национальной реальности.

«Московский текст» — это достаточно сложное явление. Отдельные разрозненные наблюдения о нем существуют, но целостного представления пока нет. В.Н. Топоров, а вслед за ним и Н.Е. Меднис, сравнивая мифогенные способности двух российских столиц, не выделяли отдельно «московский текст». В этом контексте рассмотрение В. Щукиным «московского текста» направлено на выявление неочевидных мифологизирующих и демифологизирующих интенций города (глава «Московские литературные урочища»). Избираемый В. Щукиным методологический код для описания «московского текста» через понятие урочища (В.Н. Топоров) представляется вполне оправданным и продуктивным. Заложенное в этом понятии совмещение природы и культуры, порождающего и созидającego начала, позволяет найти ответы на механизмы порождения, трансляции, изменения и затухания семантических слоев того или иного места. В. Щукин, не предлагая четкую номенклатуру московских мест в жанре «закрытого списка», размышляет о причинах и предпосылках мифотворческой и поэтической потенции мест не только в синхроническом, но и в диахроническом аспекте. Обобщая наблюдения исследователя, можно выделить следующие механизмы, определяющие причины семантизации и десемантизации городских локусов на примере московского материала.

Во-первых, выявляется связь локуса и жанра, понимаемого В. Щукиным как тип социального поведения в социокультурной среде (с. 65). Например, повесть Карамзина «Бедная Лиза» ввела в моду прогулки в окрестностях Симонова монастыря, а повесть Жуковского «Марьяна роца» аналогичных последствий не имела. Локус Марьиной роци остался верен своим корням — locus mortis средневековой русской столицы. В силу этой причины его готический образ «нашел себя» в низовой беллетристике второй половины XIX в. Показателен и пример с московским памятником Пушкину работы А.М. Опекушина, который стал местом свидания влюбленных и именно в этой функции вошел в многочисленные художественные произведения. Иными словами, жанровые функции пространства памятника определили механизмы его поэтологического осмысления. Вскрывшийся мифогенный

1 См., например: *Шенле А.* Архитектура забвения: руины и историческое сознание в России Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

потенциал Арбата и находящихся рядом переулков в ностальгической мемуарной литературе показывает зависимость семантической продуктивности места от внешнего событийного исторического фона, порождающего жанры ментального присутствия. Пример с окрестностями Страстной площади (Москва героев Грибоедова, Пушкина, Толстого) обнажает вымывание мифопоэтического слоя от эпохи к эпохе в силу стихийных исторических причин, проявляемых в реконструкции городского пространства. Лубянка, «местоположение тайных карательных органов, локус невинных страданий, казней и пыток» (с. 291), попадает в «большую литературу» после Второй мировой войны, но исторически это место было связано с пытками и казнями со времен Ивана Грозного.

Во-вторых, подтверждается особая значимость природно-пейзажного начала для мифологизации отдельного городского локуса. Урочища Девичьего поля, колыбель Дружеского литературного общества, и районов Маросейки и Покровки, колыбели русского шеллингианства, противопоставлены как имеющее и не имеющее поэтического воплощения по причине именно характера связи с ландшафтно-пейзажным началом. Аналогичное противопоставление работает и в отношении урочищ Марьиной рощи и Симонова монастыря, качество поэтической репутации которых во многом было определено природным планом — красотой ландшафта.

Опора на методологический код, связанный с выявлением законов исторического функционирования мифа о городе, сохраняется в главе, посвященной «петербургскому тексту» («Дни и ночи северной Пальмиры»). Исследователь, отдавая дань уважения фундаментальной работе В.Н. Топорова, в новом ракурсе (предыстория и постскрипtum поэтического петербургского мифотворчества, в которых нашли отражение поэтические образы дня и ночи) освещает динамику бытования петербургского мифа. Исследователь актуализирует проблему мифологической «прочности» изначального семантического ядра «петербургского текста», связанного с воплощением классической гармонии и красоты, которая была явлена в поэзии Г.Р. Державина и К.Н. Батюшкова. Выявляя траекторию возврата к этому изначальному смыслу в поэзии Ахматовой и Мандельштама, В. Щукин обнажает, с одной стороны, вневременный смысл семантического ядра «петербургского текста», отражающего гармоничное подчинение материи духу, с другой стороны — семантический сдвиг, в котором проявляется модальность ностальгической гордости, а не идеализации прошлого.

Второе направление исследовательской мысли связано с выявлением другого аспекта бытования петербургского мифа, его инфернального слоя, проявляющегося в типологическом схождении у разных авторов (глава «Почему заблудился Раскольников?»). Замеченное исследователем заимствование Достоевским у Лермонтова петербургского адреса (локус Столярного переулка и Кокушкиного моста) вносит уточнения в контекст историко-литературных связей между писателями. Общий локус писателей, в художественном представлении которого отразилось противостояние обреченности и непредсказуемости, индивидуалистического бунта и фаталистической обреченности, стал выразителем нового типа личности, во многом запечатлевшего противоречивый дух Петербурга середины XIX в. Продолжая наблюдения В. Щукина, можно сказать, что обнаруженное совпадение адресов — это знак сближения писателей в попытке сформировать художественные принципы психологического изображения нового типа сознания, отличительной чертой которого является склонность к самопознанию, приводящая к диалогизации.

Третье направление анализа «петербургского текста» (опять же на материале творчества Достоевского) позволяет исследователю выявить роль природной метафоры, связанной с образом земли, в контексте городского типа мышления писателя (глава «Земля на Сенной площади»). Это иллюстрирует тезис В. Щукина

о том, что природа творческого воображения находится в тесной связи со средой жизни писателя.

Проведенный автором скрупулезный анализ отдельных московских и петербургских локусов выявил не случайные мифы, сопутствующие им, а именно особые и разнообразные внутренние механизмы зарождения и функционирования локусов в городской среде как саморазвивающейся системе.

В иной проблемный контекст В. Щукин помещает размышления о провинциальных локусах. Пространственные модели литературных провинциальных городов, обладая исключительной семантической плотностью, обнаруживают постановку коренных вопросов не столько национального быта, сколько бытия.

Аспект, интересующий В. Щукина, определяет наличие в книге главы «Воздух города», посвященной феноменологическому анализу города, позволяющему выйти к его ноуменальной природе. Принципиальной особенностью этого анализа является высвечивание взаимовлияния социокультурной городской среды и сознания ее обитателя. Эмпирический материал по истории формирования образа жизни европейского города и сопутствующей ему системы ценностей исподволь подводит исследователя к наблюдениям об упущенных возможностях при национальном самоопределении русских в контексте формирования городского уклада жизни как антитезы сельскому. Подчеркиваемый исследователем разрыв русской культуры со средневековой национальной традицией предвосхитил обозначившуюся особенно остро в постпетровской России дихотомию между подлинно деревенским (иными словами, «земским» и «параазиатским») и подлинно городским (иными словами, интеллигентским и «параевропейским») укладами жизни (с. 39). В дихотомичном составе русской национальной культуры, где дворянские усадьбы являлись лишь очагами «городской упорядоченности, городского демократизма, городской веротерпимости посреди чуждой всему этому стихии полуазиатского русского села» (с. 266), не было достаточных условий для формирования человеческой личности, «постигающей «сложную науку уважения к Себе и понимания внеположенного Другого» (с. 213). В этом отношении главы, посвященные духу провинциального города («Обломовщина как социопсихологический восток» и «Город Калинов как город Зеро»), не ограничиваются исследовательскими кодами «провинциаловедения». Выбранный В. Щукиным геокультурный аспект позволяет выйти на уровень историко-психологического исследования типов национального мирозерцания и мироощущения в XIX в. Логично и вполне предсказуемо, что разговор о пространственных локусах выходит к размышлениям об истоках мутаций русского национального характера. Мутаций, связанных с невозможностью гармоничного перехода от патриархально-родовой системы ценностей к персоналистской, который возможен в ходе формирования «городской цивилизации». Оказавшиеся рядом в исследовании В. Щукина пространственные образы Обломовки и Калинова каждый по-своему, с одной стороны, обострили проблему драматичного конфликта в национальном типе мышления между хороцентризмом, генетически восходящим к восточному христианству, и западно-христианским хроноцентризмом (с. 50), с другой стороны — проблему личности, точнее мутационных форм неприятия в силу незрелости идеи независимости личности (Обломов), и подмены свободы волей в силу невозможности другой альтернативы (Катерина).

Обломовка и Калинов в исследовательской логике В. Щукина обнаруживают диктатуру особого свойства. Дух консерватизма, пронизывающий оба пространства, лишенных исторического измерения, не находит баланса между консервацией обычаев и нравов как сохранением непреходящих ценностей и консервацией как сопротивлением естественной потребности к изменениям. Продолжая наблюдения

В. Щукина о неслучившейся «городской революции» на российских просторах, можно говорить о том, что Гончаров и Островский обострили проблему качества жизни русского человека. Качества жизни, понимаемого именно в цивилизационном аспекте: выход из порочного круга выживания (зависимость от суровых климатических условий, подчинение примитивным и ханжеским формам психологического насилия, имитирующим сохранение патриархально-родовой культуры) и осознание возможности и ценности комфортной и благополучной жизни. Пространства Обломовки и Калинова, сопротивляющиеся вторжению времени, как символа цивилизационного прогресса, одной из целей которого является интеллектуально независимая личность, становятся выразителями национального исторического перелома. Перелома, в котором осознается неготовность в силу разных причин выстраивать новые принципы определения границ между жизнью частной и общественной, личным благополучием и общественным. Таким образом, выделенные В. Щукиным геокультурные истоки провинциальных локусов усложнили их ассоциативный фон, тем самым предложив их новое понимание.

Главы, посвященные советской эпохе («Эйдологическая поэтика тоталитарного подземелья» и «Ленинские горки — элитарный локус тоталитарной культуры»), примечательны двумя важными моментами. В. Щукин, признавая значимость книги В. Паперного «Культура Два», посвященной соцреалистическому искусству, намечает новый ракурс разговора о культурном наследии советской эпохи. В названных главах он сопоставляет элитарное и массовое в городском пространстве Москвы. Очевидно, что в противопоставлении массового («подземелье» московского метрополитена) и элитарного (Ленинские горы) высвечивается проблема гетерогенности советской культуры. Предложенная В. Щукиным классификация эйдосов, нашедших отражение в пластических образах метрополитена, вскрывает базовые компоненты мифопоэтической основы Культуры Два. Но категоричность исследователя в отношении «раздутой обманной красоты» пространства московского метрополитена, «заменяющей подлинную красоту» (с. 386), не исключает того, что постижение принципов поэтологического осмысления локуса метро является необычайно интересным исследовательским сюжетом.

Реконструкция геокультурной истории Ленинских гор обнаруживает очевидную закономерность особой репутационной ауры места, сформированной в нескольких исторических эпохах. Исследовательский код В. Щукина, определяющий локус Ленинских гор как пример гетеротопии, вновь обостряет проблему разнородности советской культуры, с одной стороны, и очаговой формы проявления определенных моделей культуры — с другой стороны. В свете этих наблюдений В. Щукин намечает исследовательскую перспективу рассмотрения пространственных гетеротопий, существовавших открыто в контексте советской культуры, но не совсем советских по своей сути.

Завершая разговор о книге В. Щукина, хотелось бы подчеркнуть ее главное и бесспорное достоинство. Она дает общее понимание исключительной важности геопоэтического содержания не только русской литературы, но и русской культуры в целом.